

Сознание плыло в безбрежной тьме, разрываемое невыносимой болью, что жгла тело изнутри. Се Цинъянь чувствовал себя опавшим листом, брошенным в адское пламя. Каждый вдох отдавался мучительными спазмами, а руки, лизнутые языками адского огня, даже под толстым слоем повязок продолжали пылать — казалось, будто тысячи раскаленных стальных игл без конца вонзались в кости, проворачиваясь в самой плоти.

В хаотичных обрывках сознания всплывали тошнотворный запах лекарств, приглушенный шепот, холодное прикосновение металлических инструментов и... низкий, хриплый голос, полный бесконечной усталости и непонятных ему чувств. Этот голос звучал урывками, словно спасительный плот для утопающего:

— Цинъянь... посмотри на меня... держись...

— Снег Холодного дворца...

— Не умирай... умоляю... не оставляй меня...

Горячие капли упали на ладонь. Даже сквозь слои бинтов он отчетливо ощутил этот обжигающий жар, в котором сквозило соленое отчаяние.

Неизвестно, сколько прошло времени. Словно пробившись сквозь вековую тьму, тяжелые веки наконец дрогнули и приоткрылись.

Ослепительный свет заставил его тут же зажмуриться. Лишь спустя долгое время он решился попробовать снова. Зрение прояснялось медленно, возвращая четкость очертаниям. В поле зрения возник знакомый полог кровати во дворце Чжумин с узором из переплетающихся лотосов. Воздух был пропитан густым, невыветриваемым запахом лекарств и едва уловимым ароматом крови.

— Господин! Вы очнулись! Небеса сжалились! — раздался у кровати радостный, срывающийся на плач голос А Ин.

Девушка бросилась к нему, ее покрасневшие глаза мгновенно наполнились слезами. Она хотела коснуться его, но побоялась, в растерянности заламывая руки:

— Как вы себя чувствуете? Руки... сильно болят? Хотите пить? Есть? Лекаря! Скорее зовите лекаря! Господин очнулся!

Се Цинъянь хотел покачать головой, но обнаружил, что даже малейшее движение шеи отдает тупой болью в плечах и спине. Горло пересохло, словно наждачная бумага, и он лишь взглядом указал на чашку с водой на столике.

А Ин поняла без слов. Она осторожно, по капле, напоила его теплой, сладковатой медовой

водой с серебряной ложечки. Целебная влага смягчила иссохшее горло и вернула крохи сил.

Острая боль, словно паразит, впиалась в тело, особенно в руки — каждое биение пульса отдавалось мучительными толчками. С трудом вращая глазами, он посмотрел на свои ладони, плотно обмотанные белой тканью, похожие на два огромных кокона. Под повязками проступили темные пятна лекарства, а едкий запах снадобий, смешанный с жутким ароматом горелой плоти, ежесекундно напоминал ему о той страшной, решительной сцене на высокой платформе.

— Мье... — он шевелил лишенными крови, потрескавшимися губами, из последних сил беззвучно формируя имя. В его глазах читалась нескрываемая, вьевшаяся в самую кость тревога и ужас.

Лицо А Ин мгновенно побелело. Она суетливо отвела взгляд, ее голос, полный слез и страха, упал до шепота:

— Господин... умоляю, не спрашивайте больше... Генерал Линь... Его Величество в ярости, никто не в силах его спасти... Посмотрите на себя! Ради него вы так себя искалечили! Десять пальцев связаны с сердцем! Вы были без сознания трое суток, горели в лихорадке, лекари говорили... говорили, что руки... — она разрыдалась, но упрямый и скорбный взгляд Се Цинъяня заставил ее замолчать.

В этом взгляде не было отступления, лишь решимость узнать правду любой ценой и глубокая боль, которую он и сам до конца не осознавал. А Ин посмотрела на плотно перебинтованные руки, которые все еще мелко дрожали от боли, и слезы покатались по ее щекам, как жемчужины из порванной нити.

Она опустилась на колени у кровати и заговорила едва слышно, но каждое слово было четким, пропитанным отчаянной смелостью:

— Господин, я знаю ваши чувства. Я знаю, как вы привязаны к генералу Линю. — Она запнулась, подбирая слова. — Но сейчас вы должны выжить! Генерала Линя держат в самой глубокой части тюрьмы Тяньлао под охраной Гвардии Лунсян. Там все заперто наглухо, ни единого звука не просочится. Но... я осмелилась, пока вы были без сознания, кое-что услышать...

Она придвинулась ближе, почти касаясь уха Се Цинъяня, и зашептала:

— Тот бунт беженцев не был случайностью! Кто-то подмешал в кашу огромное количество песка и гнилого зерна! Это было сделано намеренно, чтобы разжечь гнев! А те зачинщики, что кричали о тиране и проклятии, призывая напасть на императорский кортеж... после выяснилось, что многие из них — подонки из столичного гарнизона, которых генерал Линь наказал и выгнал со службы за воровство довольствия! За ними... кто-то стоит! Это было направлено против вас, против Его Величества и генерала Линя!

Зрачки Се Цинъяня сузились. Каша с песком? Солдаты, наказанные Линь Мые? Закулисные кукловоды?

Это был тщательно спланированный ядовитый заговор, одним выстрелом убивающий трех зайцев! Можно было руками беженцев избавиться от него, как от источника бед, обвинить Линь Мые в подстрекательстве к мятежу и, вдобавок, облить грязью Сяо Чэ, пошатнув основы его власти! Как жестоко! Как коварно! Кто это?!

Ощущение надвигающейся катастрофы и ледяной холод сковали его. Жизнь Линь Мые висела на волоске! А он сам стал главной мишенью для врагов!

А Сяо Чэ... даже если у него была болезненная одержимость им, сможет ли он защитить источник бед после того, как увидел, как Се Цинъянь готов сжечь себя заживо ради Линь Мые? Не выместит ли он всю ярость на Линь Мые?

От этой мысли Се Цинъяня пробил озноб, даже боль в ладонях словно замерзла. Он вспомнил яростную жажду убийства в глазах Сяо Чэ на платформе, тот рык о немедленной казни... Сильнейшее чувство, смешанное со страхом, виной и невыразимой усталостью, нахлынуло на него.

Любовь прежнего владельца тела к Линь Мые, подобно спящему вулкану, в критический момент взорвалась, подчинив себе его плоть и заставив совершить безумный поступок. Эти чувства, не принадлежавшие ему, Шэнь Яню, но впечатанные в это тело, давили, не давая дышать. Он был лишь пришельцем из другого мира, вынужденным расплачиваться за долги, способные сжечь все дотла, и выбираться из западни, где на каждом шагу ждала смерть.

В этот момент свет в покоях слегка померк. Высокая фигура бесшумно возникла в тени за ширмой. Черный императорский халат почти сливался с полумраком, и лишь глубокие глаза, подобные ледяному омуту, молча наблюдали за ним, полные сложной, нечитаемой печали.

Это был Сяо Чэ.

Он явно стоял здесь уже некоторое время, слыша шепот А Ин и видя тревогу и боль в глазах Се Цинъяня — боль, рожденную ради другого мужчины.

Воздух в комнате застыл. А Ин в ужасе распростерлась на полу, дрожа всем телом. Сердце Се Цинъяня подпрыгнуло к горлу. Он попытался приподняться, но Сяо Чэ жестом остановил его.

Император медленно подошел и остановился у кровати. Он не смотрел на коленопреклоненную А Ин, его тяжелый взгляд был прикован к забинтованным рукам Се Цинъяня, а затем медленно переместился на бледное лицо.

— Руки... сильно болят? — голос Сяо Чэ был низким и хриплым. В нем не было слышно ярости,

лишь глухая тишина.

Се Цинъянь помедлил и слегка кивнул. Движение отозвалось болью в ранах, он поморщился и сдавленно охнул.

Кадык Сяо Чэ дернулся. Он долго смотрел на изуродованные руки, прежде чем с трудом произнес:

— В Императорской академии использовали лучшую мазь Сюэюй... но... раны слишком глубоки, нужно время. — Он замолчал, словно слова давались ему с трудом. — Линь Муе... он жив. В тюрьме Тяньлао.

Се Цинъянь резко поднял глаза. В них вспыхнул такой яркий, нескрываемый огонек надежды, что он словно иглой кольнул Сяо Чэ. Уголки губ императора сжались в жесткую линию, в глубине его глаз промелькнула подавленная боль и... усталость.

Он отвел взгляд на серое небо за окном, его голос прозвучал с тяжелой хрипотцой:

— Я его не тронул. — Он выдержал паузу, пытаясь сдержать что-то внутри. — Не потому, что я сжалился, и не потому, что улики недостаточно.

Он резко обернулся, его взгляд, подобный горящему факелу, с жестокой пронизательностью вонзился в глаза Се Цинъяня:

— Из-за тебя, Се Цинъянь! Посмотри на свои руки! Посмотри, на что ты стал похож! Ради него ты без колебаний сунул руки в огонь! Я не сомневаюсь: если бы я сейчас убил Линь Муе, ты бы тут же схватился за нож или прыгнул с самой высокой точки этого дворца!

Грудь Сяо Чэ тяжело вздымалась. Он сделал шаг вперед, и мощное давление заставило Се Цинъяня почти задохнуться:

— Я не хочу играть в эти игры! Я не могу позволить себе проиграть! — последние слова он почти прорычал, в них сквозил страх и хрупкость, которых он сам не замечал. В его покрасневших глазах бушевал шторм. — Я больше не хочу видеть, как ты вредишь себе ради него! Даже ради одного его волоска! Твоя жизнь... — его голос сорвался, в нем звучала глубокая досада и бессилие, — ...теперь принадлежит мне! Ты будешь жить! Ради него — и, прежде всего, ради себя!

Он резко развернулся, полы его халата взметнулись, словно крылья ворона. Его спина была прямой и одинокой, будто он нес на плечах тяжесть всего мира. У дверей он остановился, не оборачиваясь. Его голос вновь стал холодным и твердым, как у императора, но в нем слышалась едва уловимая усталость и смирение:

— Жизнь Линь Муе пока побудет у меня. А ты... береги себя.

Тяжелые двери закрылись, отрезая его от внешнего мира и от сложного, невыразимого взгляда императора. В покоях остался лишь густой запах лекарств и мертвая тишина. А Ин все еще лежала на полу, боясь вздохнуть.

Се Цинъянь оцепенело смотрел на закрытую дверь, а затем опустил взгляд на свои руки, обмотанные, словно орудия пыток. Отголоски чувств прежнего владельца, готового пойти на смерть, все еще терзали его сердце. А последние слова Сяо Чэ — полные ярости, досады, но вместе с тем глубокого страха и бессилия — ударили по нему, как молот.

Ради Линь Муе он был готов сгореть в огне.

А Сяо Чэ... чтобы он не вредил себе, взял и... пощадил Линь Муе?

Осознание этого факта потрясло его сильнее, чем физическая боль в руках. Невыразимая усталость накрыла его с головой, едва не утянув обратно во тьму.

Он медленно закрыл глаза, холодный пот выступил на висках. Путь впереди был туманен, полон опасностей, долги прежнего хозяина давили горой, а одержимость императора жгла, как пламя. Как ему, в этом искалеченном теле и с немой душой, найти шанс на выживание в этой адской партии?

За окном стужались сумерки, последние крохи света поглощала тьма. Во дворце Чжумин мерцали свечи, вытягивая бледную, одинокую тень Се Цинъяня на холодной стене — он казался безмолвным узником. А руки, укутанные в мягкую ткань, продолжали беззвучно гореть, напоминая, что эта драма, написанная кровью и огнем, еще далека от завершения.

<http://bllate.org/book/20749/2080022>